

В.А. Ткачук

О соотношении служилого и вотчинного принципов в Московском государстве

Вся история формирования московской политической элиты является собой историю борьбы двух начал, двух основ её формирования: вотчинного и служилого. Ряд отечественных исследователей, таких как С.Б. Веселовский, В.Б. Кобрин, А.А. Зимин, в своих работах, посвященных периоду формирования Московского государства, говорят о служилых землевладельцах, подразумевая под этим термином вотчинников, состоявших на обязательной государственной службе. Боярские роды неплохо изучены в отечественной историографии. Первым, кто обозначил проблему вотчинного и служилого принципов рекрутирования в Московском государстве, был С.М. Соловьев, который в своей «Истории России...» рассмотрел борьбу государственного и родового начал как основного двигателя процесса объединения русских земель [1, с. 55–59]. Обратил внимание на разнородность рекрутирования политической элиты и Н.П. Павлов-Сильванский. В своем исследовании, посвященном государевым служилым людям, он отмечает, что во времена первых варяжских князей от земского боярства резко отличались бояре-дружинники. Земские бояре были славянского происхождения; княжеская дружина была до XI в. преимущественно варяжской. Только с наступлением периода раздробленности дружина стала оседлой. Однако Н.П. Павлов-Сильванский не прослеживает дальнейшую эволюцию бывших княжеских дружинников и земских бояр в единую социальную группу [2, с. 4–34]. Широко известен труд С.Б. Веселовского «Очерки по истории служилых землевладельцев», где автор, используя генеалогический подход, описывает историю ведущих боярских родов и доказывает историческую достоверность родословцев. Также можно отметить монографию А.А. Зиминой «Формирование боярской аристократии...», в которой описывается происхождение и история отдельных боярских и княжеских родов. Из современных исследователей можно выделить Ю.Г. Алексеева и Б.А. Воронцова-Вельяминова, посвятивших свои работы изучению отдельных представителей боярских родов. Служилый и вотчинный принципы рекрутирования элиты в государстве в различные периоды времени были далеко не равнозначны, их соотношение непрерывно менялось. Говоря о взаимодействии этих принципов в государстве, следует подвергнуть подробному анализу способы включения тех или иных представителей княжеско-боярской корпорации на великокняжескую службу,

рассмотреть пути, используемые ими при занятии важных государственных должностей.

Вотчинный принцип как основа рекрутирования политической элиты государства является наиболее древним и старейшим на территории русских земель. В Московском княжестве, по предположению С.Б. Веселовского, на свои вотчины опирались Протасьевичи – их владения были на Ростовской земле задолго до появления там московских Даниловичей, им принадлежали земли в Дмитровском и Переяславль-Залесском уездах. Звание тысяцкого, по выводам Б.А. Воронцова-Вельяминова, по традиции было наследственным и в Москве принадлежало Протасию и его потомкам. Когда в 1354 г. Симеона Гордого и тысяцкого Василия Протасевича «унесла» чума, то новый московский князь – Иван Красный назначил тысяцким Андрея Хвоста, не имеющего к Протасьевичам никакого отношения. Однако во время поездки московского князя в Орду этот тысяцкий был убит. Ивану Красному пришлось вновь вернуть пост Протасьевичам. Упразднив звание тысяцких, после смерти последнего в 1374 г., великий князь Дмитрий Иванович поручил командование войском окольному Тимофею Протасевичу с формулировкой «великого воеводы» – опять же представителю указанного рода. Вместо тысяцкого теперь Москвой в отсутствие великого князя управлял московский наместник (первоначально им был Всеволожский – по линии жены родственник Протасьевичей) [3, с. 168]. На примере владений Протасьевичей видно значение вотчины как определенного гаранта высокого положения рода. В среде старомосковского боярства существовали определенные традиции, которые не позволяли московским князьям не считаться с крупными вотчинниками.

Расширение состава земель, входивших в Московское княжество, породило расцвет вотчинного принципа. Появление в составе княжеско-боярской корпорации некогда независимых удельных и служилых князей, с их значительными земельными владениями, создало условия для появления на высших государственных должностях крупных землевладельцев, прежде в слугах у великого князя не бывавших.

Другой категорией политической элиты была служилая старомосковская знать. Эта группа бояр сформировалась под влиянием служилого принципа рекрутирования государевых слуг. Первоначально пришлые в московском княжестве бояре являлись

по существу наемными воинами. Они получали от московских Даниловичей земельные владения в обмен на гарантии преданной службы. Так в Московском княжестве появились Плещеевы, Валуевы, Квашнины, Морозовы, потомки Андрея Кобылы и т.д. Междоусобная война способствовала закреплению и оформлению структуры княжеско-боярской корпорации. При Василии II летописью упоминаются введенные бояре И.Ю. Патрикеев, И.И. Кошкин, Ф.В. и В.И. Басенок, Ф.М. Челядня [4, с. 224]. Они стали основателями влиятельных родов. Своей верностью Василию II отличился Ф. Басенок, он хранил ему верность даже в плену у Шемяки [5, с. 112]. В Московском княжестве в XIV–XV вв. сложилась группа боярских родов, рекрутированная по служилому принципу. Вместе с тем, как бы ни было прочно положение служилых бояр, представители вотчинного принципа всегда сохраняли свое положение в период господства старомосковского боярства. Одним из главнейших представителей этой группы, помимо Протасьевичей, стал их родственник по линии жены боярин Всеволожский. Именно под его влиянием была предпринята попытка первой кодификации законов в Судебнике Софьи Витовтовны.

В результате расширения территории Московского княжества был открыт путь на московскую службу представителям удельных князей. Раньше всех начали терять независимость суздальско-нижегородские князья. В 1449 г. И.В. Суздальский признал власть Василия II. В докончании (договоре) с московским князем он выступает в роли служилого князя, хотя сохраняет за собой все прежние привилегии. С 1444 г. И.В. Суздальский теряет право судить дела о душегубстве [6, №444]. Фактически с этого момента начался процесс включения суздальской знати в состав московской княжеско-боярской корпорации. Здесь следует учесть, что суздальские и московские князья происходят из общего княжеского дома, оба имели в своих родословных великого князя Александра Невского [5, с. 145]. Духовные и договорные грамоты суздальских князей подтверждают, что, утратив в Суздальско-Нижегородской земле свои княжеские права, эти князья сохранили там свои многочисленные села. Из Разрядной книги можно узнать о служебных успехах суздальских князей – одним из первых на службе у великого князя упоминается В. Шуйский в 1487 г. на должности воеводы конного резерва в Казанском походе [7, с. 39]. Прошло всего лишь сорок с небольшим лет после подчинения суздальских князей, а им уже доверяют командование стратегическим резервом, от которого мог зависеть весь исход военной операции. Дальнейшая карьера Шуйских связана с высшими государственными должностями: 1492 г. – В. Шуйский воевода полка правой руки, 1493 – И. Шуйский воевода во Пскове, 1501 – И. Шуйский воевода передового полка в литовском походе, уже в 1502 г. представители этого рода занимают место

воевод большого полка и практически никогда надолго этот пост не покидают.

Похожую картину рисуют источники и по поводу вхождения на службу московскому князю представителей ярославского княжеского дома. В середине XIV в., при Василии Грозные Очи и Михаиле Ярославском, это княжество начало дробиться. Внук Василия Грозные Очи – Иван Васильевич – умер в 1426 г., и Ярославское княжество было поделено на четыре части между его сыновьями. Федор Иванович остался владеть Ярославлем. Остатки суверенных прав этих сыновей не позволили им влиться в состав двора в середине XV в. Исключение составил только Семен Романович, который попал в состав государева двора в середине XV в. По мнению В.Б. Кобрин, во время присоединения Ярославского княжества были конфискованы дворцовые земли в центре княжества, а на окраинах их владения сохранились. В обмен одна из ветвей рода, Пенковы, получили вотчины в Переяславском уезде. К концу 30-х гг. XVI в. они потеряли княжеские права на остаток земель Ярославского княжества. Конфискованные дворцовые земли Ярославского княжества частично компенсировались вотчинами в других уездах государства. Это обстоятельство вызвало образование нескольких новых служилых княжеских родов. Отдельная вотчина дала возможность её владельцу сменить название собственной линии потомков. Данило Пенко, став боярином в 1500 г., в своих грамотах выступает не только как собственник вотчин, но и как удельный князь: он подтверждает в 1497 г. Спасо-Каменному монастырю владения, пожалованные ещё его дедом [8, №272]. Его сын Иван дает подробную грамоту Николо-Катромскому монастырю. Текст этой грамоты до нас не дошел, но осталось упоминание о ней в грамоте Ивана IV в 1569 г. Процесс превращения бывших ярославских княжеских уделов растянулся до 30-х гг. XVI в. [9, с. 33–39]. Согласно Разрядной книге, князья ярославские начали служить с Ф. Курбского в 1482 г. (воевода в Казанском походе) [7, с. 35]. Впоследствии Курбские быстро сделали карьеру на государственной службе, до 1514 г. будучи воеводами передового полка в русском войске, а в 1516 г. поднявшись до воеводы большого полка. Сохранившие остатки удельных прав Пенковы не поднимались выше воевод региональных войсковых групп, так, в 1493 г. Д. Пенко командовал войском при Великих Луках, а в 1521 г. представитель Пенковых был воеводой в Кашире. Отсюда следует, что обладание остатками удельных прав на вотчины не позволило Пенковым далеко продвинуться по карьерной лестнице, в то время как Курбские успешно сделали карьеру. Великокняжеская власть вынуждена была считаться с вотчинами, все же отдавая предпочтение служилому принципу.

Существенно повлиял на соотношение вотчинного и служилого принципов поход на Новгород в 1471 г.

Воеводами там были: Даниил Дмитриевич Холмский, князь Василий Иванович Оболенский Стрига. После завоевания Новгорода вотчина Холмских в Бежецком Верхе утратила свое пограничное значение и уже в 1475 г. князь Холмский, уличенный в преступлении, дал великому князю крестоцеловальную грамоту, за князя поручился боярин Воронцов [1, с. 132]. Подписание крестоцеловальной грамоты позволило Холмским сделать хорошую карьеру на службе.

Политическая элита приобрела общую структуру, которая сформировалась к середине XVI в. благодаря приоритету службы над вотчиной. Первый разряд московского боярства составили потомки бывших князей русских – князья Мстиславские, Бельские, Пенковы, старшие Ростовские, Шуйские и др., имевшие значительные вотчины и частично сохранившийся комплекс удельных прав; рядом с ними стояли высшие служилые князья, предки которых, Гедиминовичи, приехали в Москву из Литвы: таковы были потомки литовского князя Юрия Патрикеевича: Голицыны, Куракины, Хованские и др.; из нетитулованного московского боярства в этот небольшой круг избранной знати проникали и с некоторым успехом держались в нем только одни Кошкины. На этом уровне личная служба дополнялась землевладением.

Второй слой московской знати составляли князья, предки которых до подчинения Москве владели значительными пожалованными уделами в бывших княжествах Тверском, Ярославском и др.; это были князья Микулинские, Воротынские, Курбские, старшие Оболенские; в ряду с ними считались все первостепенные старомосковские бояре – Воронцовы, Морозовы, Шереметевы, Давыдовы, Челяднины, Ховрины, Головины и др. Сюда попадали те представители политической элиты, вотчины которых позволяли их владельцам чувствовать себя более уверенно на службе великому князю, с одной стороны, а сложившиеся традиции службы рода не давали им быть отстраненными от дел, с другой. Отдельную группу во втором эшелоне составили новые роды, представители которых делали карьеру, в первую очередь, на государственной службе. Таковыми, например, являлись Шереметевы и Курбские.

Третий разряд московской знати составляли потомки мелких удельных князей, как пришедших в Москву прямо со стола, так и служивших перед тем у других князей: то были князья Ушатые, Палецкие, Мезецкие, Сицкие, Прозоровские и многие другие; в уровень с ними шло второстепенное старомосковское боярство – Колычевы, Сабуровы, Салтыковы и др.

К началу правления Ивана IV сложилась определенная схема получения боярского чина: стольник, окольничий, боярин. Примером может служить боярство князя Бельского: 1510 г. – стольник, 1528 – окольничий, 1538 – боярин [10, с. 145–146]. Представители высших родов иногда пропускали чин окольничего. Например, А.Б. Горбатый начал служить воеводой сторожевого полка в 1538 г., а в 1544 г. он получил боярство.

Показателем развития служилого принципа рекрутирования политической элиты служит сложившаяся система местничества. Устанавливалась система «младших» воевод. Система местничества была узаконена и упорядочена. Был прописан четкий порядок и иерархия государственных должностей. При этом одновременно была прописана служба «без мест», что давало возможность монарху лавировать в среде местнических порядков, обеспечивая доступ к управлению не только самым знатным, но и самым нужным власти.

В 1556 г. устанавливается единая норма военной службы с земельных владений. Все землевладельцы, помещики и вотчинники, становились служилыми.

Итогом борьбы описанных принципов как основы рекрутирования политической элиты на протяжении всего периода создания Московского государства являлось преобладание служилого принципа. Из соотношения этих принципов в рамках рассматриваемого исторического периода следует, что вотчинный принцип является старейшим при создании княжеско-боярской корпорации. Причем, весь этот процесс следует разделить на две части – взаимодействие служилого и вотчинного принципов в среде старомосковского боярства. Отмечается большое значение боярской вотчины в XIV в., успешная карьера этих вотчинников в княжестве и постепенное преобладание полностью служилых землевладельцев (имевших пожалованные князем вотчины). В судьбе старомосковского боярства определенную роль сыграла междоусобная война первой половины XV в. В это время сохранили верность великому князю представители родов, рекрутированных в элиту по служилому принципу. Прочие же роды, самым ярким представителем которых явился боярин Всеволожский, не смогли удержаться.

Создание Московского царства и политический курс Ивана IV положил конец господствованию вотчинного принципа формирования политической элиты. Отныне главным условием при занятии должностей служили: во-первых, местнические счета – послужной список представителей рода, и, во-вторых, верность царю как единственному источнику привилегий.

Библиографический список

1. Соловьев С.М. Сочинения : в 18 кн. / С.М. Соловьев. – М., 1995. – Кн. 2.
2. Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. Люди кабальные / Н.П. Павлов-Сильванский.

– М., 2001.

3. Воронцов-Вельяминов Б.А. Отмена института тысяцких и судьба Протасьевичей / Б.А. Воронцов-Вельяминов // Вопросы истории. – 1981. – №7.

4. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России / А.А. Зимин. – М., 1988.
5. Зимин А.А. Витязь на распутье: феодальная война в России в XV веке / А.А. Зимин. – М., 1991.
6. Акты социально-экономической истории конца XIV – начала XV веков. – М., 1958. – Т. II.
7. Разрядная книга 1475–1597 гг. / под ред. В.И. Буганова. – М., 1966.
8. Акты социально-экономической истории конца XIV – начала XV веков. – М., 1964. – Т. III.
9. Полное собрание русских летописей. – М., 1965. – Т. 13.
10. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины / С.Б. Веселовский. – М., 1963.